АННА и СЕРГЕЙ

ЛИТВИНОВЫ

ЗНАМЕНИТЫЙ ТАНДЕМ РОССИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

Жизнь по теории вероятности

Анна и Сергей Литвиновы

Жизнь по теории вероятности

Серия «Знаменитый тандем Российского детектива»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74708321
ISBN 978-5-04-257324-8

Аннотация

В уютном дачном поселке молодая женщина умерла от отравления прямо во время празднования дня рождения дочери. Ирина – успешная москвичка, выросшая в провинции, переживала болезненный развод с мужем Артемом, который изменил ей с лучшей подругой. Она организовала пышный праздник для шестилетней Настеньки, пригласив соседей по дачному поселку. После праздника Ирина почувствовала себя плохо, ее увезли в больницу, но спасти не смогли. Подозрение пало на соседа Ивана, нового возлюбленного Ирины. Полковник в отставке Валерий Петрович Ходасевич приехал в Листвянку, чтобы провести собственное расследование по просьбе его матери…

Закрученная интрига, понятные и близкие читателю персонажи, современные проблемы – вот секрет детектива за авторством Анны и Сергея Литвиновых. Следствие вновь ведет

хорошо известный читателям по романам и телесериалам герой – отставной полковник внешней разведки Валерий Ходасевич.

Авторы изучают природу мести и справедливости через историю расследования убийства, показывая, как личная трагедия и многолетняя боль способны превратить человека в преступника, а также демонстрируя, что истинное правосудие требует не только раскрытия преступления, но и понимания глубинных мотивов.

Содержание

Ирина Вострецова. Наши дни 6
Ходасевич выходит (из зоны комфорта) 28
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Анна и Сергей Литвиновы
Жизнь по теории вероятности

Дизайн обложки С. Курбатова

© Литвинова А. В., Литвинов С. В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Ирина Вострецова. Наши дни

21 июня, суббота

Все всегда приходится делать самой.

Ира к этому привыкла с ранних лет.

Ни с какой домашкой ей никто никогда не помогал – или, к примеру, поделку ту-другую для школы изготовить. Все приносят в класс бумажный домик, родителями или бабушками-дедушками спроворенный: красивенький, ровненький, разукрашенный. А у Ирки-Вострецовки все сикось-накось, одна стена выше, другая ниже и в пятнах от клея. И все: га-га-га!

Им хорошо смеяться! У этих, ржущих, вся семья на подхвате! У одного мамаша, как сама говорит, «посвятила себя детям» – ни хрена не делает, только деньги мужнины прожирает и ребеночку своему в попу дует.

У другой – полный комплект бабушек-дедушек.

У третьей – нянюшка, вдобавок на хозяйстве имеются кухарка, горничная, шофер! Такой богачке кто-то тот домик да сваяет!

А у Ирины родители на работе в буквальном смысле с утра до ночи. Затемно уезжают, в девять-десять возвращаются,

оба без сил. Типа, бабки зарабатывают. Бабушек у Ирины не осталось ни по одной из линий, а дед единственный и тот пьет. Хорошо, он тихий, не буйный, без выхода (как мать говорит). Кирнет раз, другой, третий, в телевизор впялится – да и заснет. Слава богу, Ира, быстро его отвадила, чтобы в школу за ней не таскался, не встречал. А то приходил, глазки косенькие, и выхлоп за ним тянется на полквартала. Не надо ей совершенно, чтобы за него дразнили. И без того повадились: «Вострецовка-шалашовка!» – «Ирка-дырка!»

Она на оскорбителей обычно со всей дури налетала. Била, не помня себя, самозабвенно. В волосья вцеплялась. Платья рвала, а мальчишкам – рубахи. Родителей стократно в школу вызывали. А им по барабану: заняты на работе, и точка. Они деда как живой щит перед классухой или дириком выставляли. А дедуля как блаженный – придет, только лыбится и глазами лупает.

Одна лишь Лизка – никогда Иру не троллила, не гнобила и не нападала. Всегда, если что, за нее впрягалась.

Лизка потом, правда, Ирине с лихвой отплатила. Предала так предала. По полной программе. По самому больному месту ударила.

Но всю школу они, Ирина да Лизавета, друг за дружку вписывались.

В одном только они не коннектили – в понимании перспектив. Лизка была довольна своим городом и своим местом в нем. Ни учиться дальше особо не хотела, ни уезжать.

А Ирина, сколько себя помнила, всегда только и мечтала, что отряхнет, как сказано в Писании, прах града сего с ног своих и устремится – все дальше и все выше!.. Не нужен ей был городок Преградов, бывший острог Преградский, весь уставленный панельными пятиэтажками.

От центра краевого, в восьмистах верстах расположенного, все в Преградове фанатели, говорили: «Я поехал в Край» (будто с большой буквы) или «Из Края велели». Но и тот самый Край, то есть город Береж, бывший острог Бережный, – с самого детства Иру не устраивал. Несмотря на то что там имелись и небоскребы, и троллейбусы, и библиотеки, и два театра, и целых четыре универа: технический, педагогический, сельскохозяйственный и еще какой-то.

Но где-то, пусть далеко-далеко, во многих тысячах километров и днях езды на поезде, лежала Москва. Да, Москва – она била с мыска, но там возвышались кварталы стеклянных небоскребов, Останкинская башня и колесо обозрения вышиной с небо, там решались все Дела и были все Деньги. А где-то рядом со столицей располагался величавый, старинный Питер, похожий на декорации из сказки про Щелкунчика. А подле него и вовсе Европа: чужие языки, иные страны – и долларовые миллионеры бороздят на своих яхтах бирюзовые океаны!

С самых юных, дошкольнических лет Ира стремилась всей душой из Преградова свалить. Но с тех же самых времен понимала: сказки – они для дурочек и разинь. И не про-

стучит у нее под окнами никакой белый конь, не спрыгнет с него никакой прекрасный принц, не подсадит ее в седло и не ускачут они из панельного Преградова в закат.

Чуть не с детсада Ира понимала: ей все придется делать самой.

И потому – как взялась с первого класса, так и училась на одни пятаки. Сначала ей все по фану давалось, легко. Класса после седьмого пошло внатяг, но она все равно по пять, шесть часов дома за уроками сидела – однако в школу приходила как звезда: все выучено назубок и без единого пятнышка. Наплевать, что та же Лизка делала все на отгребись и доставала: «Пошли гулять!» А потом: «Ир, дай списать!» А Ирина поставила задачу – медаль! И взяла ее. И на выпускном царила.

Добавить к тому, что она успевала и в театральном кружке заниматься, и танцами, и фигурка стала стройненькая, и мордашка – огонь. И пусть родители единственный раз наконец к ней в школу пожаловали. А дедуля к тому времени тихо помер, у него рак печени оказался, четвертая стадия, а он и не ведал, водкой обезболивался, блаженный.

Бойфренда никакого рядом с ней на выпускном не маячило, потому что не было времени вписываться в отношения. Зато Ира, пусть одна, пусть сама – а была на выпускном королева! И все учителя, кроме англичанки, которая ее не любила и пятерку по своему предмету из милости (вроде как) натянула, чтоб не портить показатель, – все, все, кто высту-

пал, говорили, что она гордость, украшение и надежда города энергетиков и металлургов, славного Преградова.

Никто не сомневался, что она свалит. Она сама в том числе. И родики на какой-то момент очнулись вдруг от своей оголтелой работы, зарабатывания денег, ремонта, строительства дачи. Глаза у них открылись: вау, смотрите, а у нас дочь готовая, оказывается, есть, да умная, красивая, воспитанная! Вот тут им спасибо, единственный раз помогли – хотя нет, потом еще (деньгами), на свадьбу. Накупили ей, как отец говорил, «носильных вещей» – не лакшери, но годных. И билет не плацкартный купили, а на самолет, не пожидились. Отец Ирину в свою недавно взятую иномарку, праворульную «Тойоту» (с пробегом только по Японии!) лично посадил, довез аж до Бережа и до самолета на Москву! Довел до самой дверки, где начинается досмотр-контроль.

Другая, может, и стрессовала б, и напрягалась, и по предкам тосковала – а для нее те первые в жизни семь часов в воздухе реально оказались сплошным *полетом*, радостью и предвкушением большего.

Москва ее, конечно, хорошенько тряхнула и ударила. И в грязь лицом ткнула. Первые месяцы – да что там месяцы, целый год, не меньше – казалось: здесь живут *другие*. Совсем другие – иная цивилизация. Она в какой-то книжке фантастической читала: обитают на одной и той же планете разные люди. Ну то есть внешне они такие же, но по своему уровню развития и по генетике разные. Как неандерталец и хомо са-

пиенс. Или хомо сапиенс и кроманьонец.

Они тут, в Москве, быстрее двигались, быстрее базарили, все делали быстрее. Да что там! Они, главное, быстрее шарили, быстрее решали и в мозгах своих держали единовременно гораздо больше факторов. И одевались красивее, и учились лучше, и говорили правильнее.

И они вдобавок стебались, конечно, над провинциалкой. Не так, как в школе ее кололи в лицо «Иркой-дыркой», а потихому, исподтишка, троллили – да в чатах, наверное, своих отдельных, столичных обзывали. Она ловила на себе эти усмешливые взгляды – что на лекциях, что в метро, что в библиотеке.

Но Ирина не позволила своей собственной самооценке упасть ниже плинтуса – хотя могла бы! Она стиснула зубы и сказала себе: я стану такой, как они! Я выучусь вести себя и выглядеть как они и не буду от них отличаться!

Слава богу, база школьная помогла, природный умняк и сообразительность. И усидчивость, конечно. Она первую сессу закрыла, вся на топе. А когда ты шаришь и у тебя то один, то другая, то третий просят списать – какой тут может быть стеб!

Хорошо вдобавок, что отец в ту пору со своим бизнесом приподнялся и денег на нее не жалел. По любому запросу, стоило позвонить или написать, скидывали на карту капусту. Так что нет: не все сама – помощь, конечно, была. Материальная – приходила.

Но потом она сама первый приз выиграла. Вернее, ей так сначала казалось, что первый. И что приз. Прискакал, видать, тот самый лыцарь на белом коне, который рано или поздно к каждой девушке прискакивает.

Прискакивает-то он прискакивает, да только едва ли не у каждой «прынцессы» он при ближайшем рассмотрении с червоточиной оказывается. С брачком. Червячками изъеденный. У одной – алкаш, у другой – гулена, у третьей – жмот, у четвертой – лентяй, у пятой – садист, у шестой – импотент.

Но ведь каждую девчонку – наверное, каждую, – когда он, единственный, является, изнутри жаром обдает, и, наверное, любая начинает растекаться, напрочь не замечает все его баги и зашквары, наоборот, возвеличивает его достоинства.

Но Артем реально (на первый взгляд, да и на второй, и на прочие) имел огромные плюсы. Начать с того, что фамилия его была Борятинский и происходил он (возможно, врал все-таки) из того самого княжецкого да помещичьего рода, который тянулся аж от Рюриковичей! Далее: был он коренной, самый что ни на есть москвич, родителей, точнее матерь, имел богатенькую – квартира прямо на Патриках. А еще владела его маман хатой в Болгарии. И дачей, да не где-нибудь, а в ближайшем Подмосковье, в стародачном поселке. А поселок не простой, а с историей, о котором Ира слышала, чуть не когда в Преградове жила: Переделкино, Малаховка, Кратово, Валентиновка, Загорянка, Лиственка…

Вот она теперь эту дачу в Листвянке в пользование, считай, и заполучила – а счастья все равно нет. И все приходилось делать самой, самой!..

Как сегодня, в день рожденья дочери.

Мавлуда, конечно, к ней пришла и сегодня, как и вчера приходила. Вчера шустрая таджичка дом убрала, начала готовить. Сегодня докончила, помогла накрыть столы, развесили вместе шарики-фонарики, разложили призы. Но потом сказала: ей с детьми тяжело. И физически, и особенно морально. У нее, как она однажды обмолвилась, дочка маленькая, пятилетняя, там, в Таджикистане, умерла. Поэтому Ирине пришлось рассчитаться с Мавлудой за полные два дня и отпустить.

Настенька весь день находилась в радостном возбуждении. Носилась, примеряла подарки, орала, все спрашивала, когда гости придут: понятно, ребенок! Но сколько ж здоровья с ней справляться надобно! В такие дни особенно понимаешь: как нужен тебе человек, на кого можно положиться, понадеяться, опереться! Да только где такого взять? Артем, батя родной, то есть второй по значимости для дочки чел, – где он, гаденыш? Даже не поздравил! Да где он, спрашивается?! Живой ли?

А свекровь! Бабушка, называется! Ну да: привезла заранее для Настеньки хороший подарок, велела его спрятать (пришлось на чердак ховать, чтоб Настюшка не увидела раньше времени), но чтобы помочь, побыть, поддержать

морально – нет! Назавтра она, видите ли, с раннего утра девочку забирает, едут они вдвоем отдыхать в Болгарию – мерси, конечно, большое за ваше благодеяние! Но нет, чтобы и мать родную, Иру то есть, захватить! Она не нищая, могла б и за билеты свои заплатить. Но свекруха даже не предложила! Сказала: «А ты одна побудешь, я тебе руки развязываю, устроишь, может, свою личную жизнь». Вот ведь змея, лишь бы уколоть – одно слово, свекровь! И могла бы, конечно, отметить день рожденья внучки вместе. Поддержать Ирину, помочь, похлопотать – раз сынок ее Артем сбежал и исчез практически в неизвестном направлении. Но нет: гребись, Ирина, со своей дочкой сама!

Ванечка, конечно, придет. И поможет. И поддержит. С Настенькой (будущей падчерицей своей) и с другими детьми поиграет. Он хороший, Иван. И милый, и добрый. И зарабатывает прилично. И руки у него каким надо местом привинчены. Да только не обмирает у Иры при его явлении душа – как теплело и веселело все в ней при виде подлеца Артема Борятинского.

Вот и исчез, и сгинул Темка – а она все по нему остальных мужиков меряет. Хотя, казалось бы, объективно: что в нем хорошего? Да, красивенький – но с лица воду не пить. Фигура точеная – но зачем ей та фигура? Денег вечно нет, прожекты какие-то сумасшедшие, в постели о ней совершенно не думает, если вдруг алкоголь в рот попадает – так хоть святых выноси, а главное: подлец ведь, подлец, так и плетет ни-

чтожные свои козни и с ней, Ириной, настоящие абьюзивные отношения выстраивает. Вечно со смефуечками, подгребками, подколками. А чуть его тронь, задень за живое – так и ударить может.

Значит, хорошо, что он сгинул? Как говорится, умер Максим – и фиг с ним?

«Да только что ж тебе, – сказала себе самой она чуть не вслух, – так страшно больно было, так жарко, ненавистно, когда он с Лизкой мутить начал? Когда он, гамнюк, в койку к ней прыгнул?»

Да, то предательство, конечно, было жесткое. Причем с обеих сторон.

Какая гадость и какая пошлость! Муж убегает к лучшей подруге! Какую же свинью Ирине в конце концов судьба подложила! Какой удар исподтишка под дых нанесла!

Оправиться было сложно. Да она вряд ли б и оправилась. Только что ей оставалось делать? У нее на руках была уже Настенька. И ей *надо было* оправиться. Она *не могла не* оправиться.

Она не бросит доченьку свою в одиночестве. Как ее саму родители бросили. Откупались только от нее. Она не позволит, чтобы и Настеньке пришлось как ей – все самой. Всегда с нею рядом будет. И то, что она Настюшку свою свекрови отдает, – так это лишь временно. По нужде и по ее, свекровкиному, горячему желанию. А так для дочери никого ближе матери нет. Она ей и плечо подставит, и советом поможет,

и научит.

Пусть это будет как угодно сложно, хлопотно и дорого. Но она всю себя на этот алтарь положит.

Как сегодня – с этим днем рождения.

Ванечка, конечно, первым пожаловал. И подарок дорогой принес. То, что Настенька хотела и заказывала. Самокат. Дочка визжала, прыгала, радовалась. Пыталась опробовать обновку по дорожкам на участке.

А Ванек – какая там от него помощь? Ничего по своей воле и своему почину не сделает. Все надо указывать:

– Вынеси из дома стулья и расставь у детского столика.

– Приготовь в гостиной уголок для мастер-классов.

– Пойди торт заказной получи да чаевых курьеру дай.

Все опять на ней, обо всем приходится думать самой!

Начали гости прибывать. Детишек родители приводили. Иные из родителей-бабушек-дедушек нет чтобы поздравить маленькую именинницу и тихо свалить (а потом, под конец праздника, прийти и забрать) – являлись, будто их звали, и оставались! Подходили к столу для взрослых. Ее, Ирину, типа поздравляли. Но вместо того чтобы и ей подарочек дать или денежку (расходы-то какие!), все норовили, наоборот, сами на халяву пожрать да выпить. Приходилось с ними разговоры разговаривать и делать вид, что выпиваешь: так-то она спиртное плохо переносила.

Явилась и Вичка. А как без нее! Мало того что с ее Сонькой Настенька лучше всех из дачных играет – она и ма-

стер-классы для деток вызвалась провести. И вообще, она маленьких лучше всех занимает. (Одно слово, воспитательница в детсаду.)

А то Иван попытался их построить – куда там! Ор, непослушание, плач! Тоже мне, будущий папа!

Он и тут момент выждал, когда Ирина одна осталась, подвалил:

– Ты подумала?

Она сделала непонимающий вид:

– Ты о чем?

– Как – о чем? Выйти за меня замуж и уехать отсюда вместе с Настенькой за синие моря, за высокие горы – одним словом, в Дубай. Меня давно зовут. Только я без тебя (и Настеньки) туда не поеду. А они торопят.

– Милый, спасибо тебе большое за предложение, но давай обсудим все спокойно попозже. А то я зашиваюсь.

– Чем тебе помочь?

Ох, да чем он помочь может?

Хорошо, Вичка – хоть какой-то от нее прок на этом празднике – сосканировала, что они в стороне шепчутся, подлетела:

– Ирка, все готово к мастер-классам! Давай команду!

Вичка раньше с Ванечкой была. Потрахивал он ее поместному, по-соседски. Он сам об этом, дебил, Ирине сказал. Добавил при этом к своему откровению: «Для меня она никто и ничего не значит. Я тебя люблю», – типа, утешил.

У Ирины тогда сердце защемило, но она сохранила покерфейс и со смефуечком переспросила: «И Сонька, значит, твоя наследница? От тебя дочка?»

– Нет, что ты! Ее Виктория нагуляла. Кстати, с другом моим.

Может, для Ивана связь былая с Вичкой и не значит ничего, да только видно, как та на парня до сих пор смотрит. С немым, блин, обожанием. И непреходящей течкой.

И как Виктория глядит на нее, на Ирину. Иногда кажется: повернешься спиной, а она в тебя нож всадит. Или по шее, прямо по артерии полоснет. Или цианиду в чай всыпет.

И не прогонишь ее. Здешняя та, листвянская. Это она, Ира, пришлая.

А может, и впрямь убраться отсюда? Как Иван зовет? Уехать за тридевять земель, в этот его Дубай?

Но как же она оставит здесь всех? Артема? Пусть он неизвестно где, но ведь он живой – наверное, иначе б ей сообщили. А могилки родные? Пусть они далеко, в Преградове – а только если не она, кто о них заботиться будет?

А Настенька? Будет ли ей хорошо в пустыне, при температуре сорок градусов в тени?

Сто раз надо подумать, а времени нет: Ивану дедлайн для ответа прописали, ждать не будут.

Вскоре и родители Ванечкины пришли, отец с матерью, Бартеневы. Поздравили сквозь зубы. У мамаши Елены губы поджаты в ниточку. Глядит исподлобья. По ее понятиям,

Ира ее Ванечке совсем не пара. Как же! Ирина ведь, типа, провинциалка, без роду без племени. Да с довеском – в виде Настеньки.

Муж ее Станислав, кажется, Петрович (кандидат в свекры?) – тот попроще. С ним можно дело иметь. И подарок они Настеньке хороший всучили – кукольный дом. Подлизываются, что ли, к будущей внучке приемной?

Станислав с Еленой первыми к столу бросились – Ира взрослым накрыла в виде фуршета: может, так меньше съедят-выпьют. Но куда там! Мать Ванькина как набросилась на халяву, так давай наяривать за обе щеки. И оливье, и «шубу», и мясную нарезку, и холодец.

Явилась Наталья Петровна – начальница местного СНТ, главарь садового товарищества. Глядится добренькой бабушкой. Лебезит с Настенькой, с Ириной. Такая на первый взгляд вся сладенькая. А глазки из-под очков зыркают колюче, жестко.

Прохиндейка, коррупционерка, воровка – пробы негде ставить. Ирина изучала вопрос, доподлинно знает. И вероятно, очень скоро она эту Наташеньку Петровну (та любит, чтобы так ее называли или по инициалам – «ЭнПэ») на чистую воду выведет. Разоблачит перед всеми. А то и посадит. Материальчик имеется.

Никакой радости по поводу прихода Наташеньки Петровны Ирина не испытывала. Но что делать, если у той внучка? Надо же Настюшеньке с кем-то играть на даче, социализи-

роваться.

Вместе с ЭнПэ явилась и Мила – вот, кстати, интересный вопрос: Мила эта плюс-минус одних лет с Наташенькой Петровной. Но почему одну кличут по имени-отчеству, а вторую по имени? А есть еще (точно такого же возраста) пожилая дама, так ту все зовут тетей Зиной.

Да, язык не обманешь. Он имена точно выбирает. И тетей Наташей, к примеру, коррупционерку ЭнПэ назвать никто не выговорит.

У Милы детей-внуков нет (вернее, есть, но где-то далеко, типа Австралии). Но она ближайшая соседка, забор в забор. И как ее не пригласить, если Мила Ирину на работу в Москве устраивала, в Гипросвет, где она сама заместитель директора? Она ведь тоже прохиндейка, эта Мила – откаты по работе берет изрядные.

Тут явилась особа, которую Ира меньше всего ожидала и хотела увидеть. Стукнула калитка, и по дорожке прямо к ней зашагала собственной персоной Лизка – бывшая подружка и разлучница из городка Преградова! Да мало того что разлучница!

Может, это она родителей погубила? Может, правду отец на флешке той наговорил?

Но означать ее визит мог только одно (подумалось Ирине), и она кинулась к Лизавете:

– Что с Тёмой?

Та отстранилась:

– А при чем тут твой Тёма? Я давно с ним не живу. Знать не знаю, что с ним и как он!

– А чего ты сюда явилась? Я тебя не приглашала.

– Как – чего явилась? Забыла? Я у Настены крестная. Как не поздравить крестницу с шестилетием? Подарочек не подарить?

Тут и Настенька налетела, оторвалась от мастер-классов:

– Тетенька Лиза! Тетенька Лиза! Крестная приехала!

Лизка ей и правда подарок вручила – детский фотоаппарат, – но откуда девочка так хорошо может ее помнить и даже, заметим с уколом в сердце, любить?

Именно тогда, в Преградове, когда родики настояли девочку окрестить, обязательно у знакомого батюшки, отца Павла, в местной церкви, Ирина, на свою беду, пригласила Лиззи. В тот момент между ней и Тёмкой, похоже, связь и началась.

– Как там Преградов? – спросила не без умысла Ирина: может, скажет заклятая подруженька про муженька.

Та фыркнула:

– А я знаю? Я из Преградова давно уехала.

– Серьезно?

– У, я тебе расскажу, что замутила, ты офигеешь!

И ведет себя так, будто между ними ничего не произошло! Будто не прокляла ее Ирина! Будто та не плюнула ей в ответ под ноги. Не выдала целую тираду незамысловатых, но обидных оскорблений: «Ты чмошница, ноль, слабачка, лохушка!

Тряпка, ничтожество, содержанка!»

Вела себя Лизка как ни в чем не бывало. Будто они как расстались после шкалки подруженьками, так и тащатся друг от дружки при встрече.

Совсем у Иры от этого визита настроение упало. Захотелось, чтобы Лиззи ни в коем случае с Иваном не познакомилась. И не увела его от нее – снова, как с Тёмкой.

Почему на Лизку мужики такие падкие?! И отец! Отец Ирин – тот, оказалось, тоже. Медом у ней, что ли, намазано?

Боже ты мой! Две самые ненавистные бабы в ее жизни, Лизка да Вичка, – и обе здесь собрались, чтобы мучить ее, да где! Тогда и там, когда она должна и так хотела быть счастливой, праздновать и веселиться на шестилетии любимейшей дочурки!

Ирина в дом зашла и увидела: он, Ваня ее, стоит и смеется! Сразу с ними двумя, с Лизкой и Вичкой! А он, такой лукавый и высокомерный, как всегда, когда с фифами разговаривает, – будто мечтает их обеих одновременно в койку затащить.

Тогда она крутейшим образом развернулась и убежала на второй этаж! Захлопнула дверь в свою спальню. Бросилась ничком на кровать.

Проплакавшись от отчаяния и обиды, она замечтала: убить их! Убить их всех! Ваньку, Лизку, Вичку!

Первым задушить или отравить его, Ивана – за лядство его. За то, что ее не любит. За то, что ее не понимает. За

то, что с другой сношался. И по новой с той Вичкой готов закрутить.

Но Лизку, разлучницу, убить хотелось сильнее. Вцепиться в глаза, в лицо, располосовать ей физиономию сладенькую – на которую так охотно мужики клюют.

Но дети внизу пищали, шумели – пора было выносить торт, задувать свечи.

Ира пошла в ванную при спальне, привела себя в порядок. Краска потекла, пришлось смыть дневной макияж, а новый наносить сил не было. Только носик покрасневший припудрила. Ну ничего, она и так хороша, а Ванька ее любой любит.

Чтобы взбодриться, достала из морозилки и махнула рюмаху ледяной водяры. Следом – чашку капучино сделала в кофемашине, тоже выпила залпом. Закусила, прямо из салатника, мавлудовским оливье – а то целый день не евши, не пивши.

Ну, последнее усилие. Вынос торта и гостей можно разгонять.

– Так, Иван! Ты где шляешься? Настенька торта заждалась! Ну-ка, давай: свечи втыкай, поджигай!

– А где спички?

– Вот, всегда так! Ты хоть что-нибудь можешь по жизни сделать сам? Без моей помощи и контроля?

– Могу!

– Что?!

– Любить тебя.

– Идиот.

Но, слава богу, все устроилось, Лизки среди гостей видно не было – наверное, ушла по-английски, – а зачем, спрашивается, приезжала? Неужели в реале: чтоб крестницу увидеть, подарок подарить? Или красотой своей неземной ее, Иру, убить?

Вот Вичка, к сожалению, осталась. А куда она денется, если Сонька здесь? Пела вместе со всеми: «С днем рожденья тебя, с днем рожденья тебя, с днем рожденья, дорогая Настя, с днем рожденья тебя!»

Гости стали расходиться. Каждому (из взрослых), к сожалению, пришлось говорить пару ласковых, мол, как я рада, бла-бла-бла, что вы с дочкой (сыном) приходили. А каждому из деток еще и подарочек (заранее заготовленный) вручить.

Ванечка ничем не помог – тоже исчез, гамнюк, не прощаясь, по-английски. (Его родители много раньше ушли.) А кто будет посуду в посудомойку составлять? Столы-стулья на места возвращать? Опять ей Мавлуду вызывать? Вновь платить? Значит, опять все самой?

Снова слезы на глаза навернулись.

А тут вдруг с желудком стало нехорошо. Изжога страшная началась. Наверное, Мавлуда что-то в салат не то положила, приправу свою таджикскую, без спроса. Куркуму какую-нибудь. Или в квас домашний, который смастерила, дрожжей лишку навалила. Еле дождалась Ирина, пока последние гости наконец свалят.

Все затихло. Блаженство.

Дочка возилась с подарками и тоже не докучала.

Ира без сил опустилась на стул.

А внутри совсем нехорошо стало. Казалось, желудок к горлу подкатывает.

Спросила у Настеньки:

– Ну как? Хороший у тебя праздник был?

Та ответила с чувством:

– Да, мамочка! Я запомню его на всю жизнь!

Слава богу, ей понравилось – значит, все было не зря.

– Тогда иди сама ложись. Раздевайся, чисти зубки и в кроватку. Сегодня без чтения и песенок.

Ира каждый вечер перед сном читала девочке книжки и песенки пела, не доверяла никаким гаджетам, развивала дочурку, к литературе приучала.

– Ну мамочка, – заканючила девочка.

– Посмотри, сколько мне убирать посуды.

– Давай я тебе помогу.

– Завтра поможешь. Я тебе специально кое-что оставлю.

– Нет, сейчас.

– Настя! – Ира слегка возвысила тон. – Я очень устала. Давай немедленно в постель.

Желудок крутило все сильнее и сильнее.

Дочка поплелась по лестнице наверх, в свою спаленку. А Ирина опрометью бросилась в гостевую ванную на первом этаже, еле успела: ее вывернуло всю.

И тут же начались позывы в другом месте, едва добежала.

Гадина Мавлуда, что она в оливье положила? Или в квас? А как же остальные гости? Как дети?

После облегчения, происшедшего в организме с обеих сторон, в желудке стало легче.

Ирина снова умылась и поплелась наверх.

Заглянула в спальню к дочке: праздничное платье аккуратно повешено, туфельки стоят ровненько. А сама спит – что за умница девочка! Нарезвилась.

Значит, много времени прошло, что дочка успела заснуть?

Тут Иру снова накрыла волна тошноты. И как-то странно стали холодеть, отниматься руки. Она едва успела в свою комнату вбежать, как ее вывернуло прямо на пол. Стало чуть легче, и она пошла в ванную за тряпкой, подтереть. Но ноги и руки понемногу теряли чувствительность, отнимались, будто от эпидуральной анестезии. И видеть она вдруг стала плохо: глаза словно в расфокусе, все двоится, расплывается…

«Может, ботулизм? – мелькнуло. – Откуда Мавлуда те огурцы соленые для салата притащила?»

Снова начались позывы в туалет, еле добежала до ванной. Жидкости стали из нее вытекать отовсюду, и до спасительной сантехники она не добралась.

То, что она исторгала из себя, страшно воняло.

Руки-ноги не слушались, но Ирина вдруг обнаружила у себя в ладони телефон – когда и где его схватила, не пом-

нила. Мобильник показался избавлением. Из последних сил ткнула в быстрый набор – Ванечку.

Когда он, благостный, откликнулся, прохрипела:

– Спаси меня, я умираю!

Когда он прибежал с соседней улицы, Ирина была без сознания.

Ваня вызвал скорую.

Скорая из районной Малковской клинической больницы примчалась быстро.

Врачи на месте диагностировали пищевое отравление, повезли в стационар.

К утру Ирина Вострецова скончалась.

Ходасевич выходит (из зоны комфорта)

Прошло две недели

Ты всегда найдешь на свою Ж приключений.

Так полковнику Ходасевичу часто говаривал его друг, полковник Ибрагимов. Нет уж на свете полковника Ибрагимова, похоронили его под торжественный салют на Троекуровском кладбище, а Ходасевич все коптит и коптит небо. Больше того: его, несмотря на возраст, продолжают находить различные невзгоды и авантюры.

Вот и сейчас. Теперь они, эти приключения, а на самом деле заботы и хлопоты, достали его через Ванечку.

С молодым человеком он познакомился лет пятнадцать назад, когда по просьбе его родителей расследовал таинственное исчезновение бабушки Ивана в подмосковной Листвянке. Ходасевичу тогда удалось раскрыть два убийства и даже покарать непосредственных исполнителей одного из них.

А с Ванечкой, двадцатилетним (тогда) отроком, он продолжал с тех пор якшаться. Выходила эдакая дружба льва и собачки. Но при том Ванечка со временем для полковника

становился все более нужен, нежели наоборот. Что мог отставник, пенсионер Ходасевич дать юному, резвому, умненькому парнишке, кроме своих историй о разведчицком прошлом, наполовину выдуманных и додуманных? Разве что вкусную еду, которую Валерий Петрович приготавливал сам, да наличные купюры, что он тайком засовывал в карманы пуловера/пальто/джинсов молодого человека. А тот… Маленькая собачка потихоньку становилась умным, матерым и приятным в общении человечищем: Ванечка сначала выучился, а потом стал успешно работать по (загадочной для отставника) модной, выгодной и полезной профессии – то бишь «айтишником».

И компьютер, и смартфон, и умный телевизор Валерий Петрович все-таки приобрел – не только любимая падчерица Татьяна Садовникова, но и сама жизнь заставила. Как иначе аналитические записки писать? На связь со своим нынешним куратором выходить? Да и смотреть столь любимые полковником боевики, детективы и триллеры – как?

Сперва старые добрые кассеты (с «Рембо», «Терминатором» и «Крепким орешком») сменились дисками. Потом диски, в свою очередь, стали называться «старыми добрыми». На их место заступили загадочные стриминговые сервисы. Демонстрировалось по ним теперь все больше не просто кино, а сериалы, среди которых можно было найти и захватывающие, и полезные – к примеру, штатовские «Родина», «Американцы» или «Ваша честь».

Поэтому для Ванечки в одинокой квартирке Ходасевича открывалось непаханое поле: устанавливать и переустанавливать программы, починять (загадочное) «железо» и (не менее загадочный) «софт» и обучать старикана обращаться со всеми этими гаджетами, с которыми молодое поколение, кажется, рождается или, по крайней мере, овладевает ими непосредственно в колыбели.

В последнее время Ванечке работы на ходасевической стезе прибавилось. Снова пришлось (как тридцать или двадцать лет назад) ставить пиратский «Ворд» и «Эксель» и столь же корсарские киносайты, демонстрирующие западные фильмы и сериалы, а также подключать всякие там «випи-эны» и прочие приблуды. Хоть Ванечка пиратов не любил и был болезненно честным человеком, не уважающим любую неправду, – что оставалось делать?

Ванечка и о релокации заговаривал, о перемещении своего физического тела в более теплые края. Конечно, Ходасевич отъезда юного друга не желал: как же он останется наедине со всей этой *кибенематикой* (как он современные гаджеты называл)? Ивана о дальнейших намерениях он всегда спрашивал, хоть и полушутейно, но рассчитывая на откровенный ответ.

– Да нет, куда я поеду!.. – в последний раз досадливо поморщился тот. – У меня, знаете ли, как сейчас в статусе в соцсетях о семейном положении пишут: все сложно.

Дальше Ходасевич выспрашивать не стал, уважая чужую,

как говорят англоязычные, *privacy*.

А зря, как оказалось впоследствии, очень зря! Информация из первых уст непосредственно от Ивана много бы ему (наверное) времени и сил смогла сэкономить. А то пришлось потом окольными путями эту инфу добывать.

Настоящая же история началась для него с того, что у полковника в его ноутбуке забарахлил паленый (как называл его Ванечка) «Ворд». Не то чтобы отставнику прям эта программа была критично, завтра-сегодня нужна, – но могла понадобиться. Временами он составлял аналитические записки по заданию своего нынешнего куратора из службы. Вот недавно отправил ему анализ, сделанный по открытым источникам и сообщениям СМИ: к каким приемам мошенники в последнее время прибегают при разводе мирных граждан, какие методы психической борьбы используют.

Да и писем своим друзьям во все концы света никто не отменял.

Ванечка притом что-то давно не выходил на связь. Валерий Петрович его не дергал – понимал: дело молодое, работа, быт, семья или девушки. Хотя какое там молодое! По сравнению с Ходасевичем – да, Иван был сильно молод. Но объективно: Ванечка постепенно превратился из парнишки в мужчинку, ему изрядно перевалило за тридцать, шло к сорока.

Кольца тот не носил, значит, официально не женат. Раз «все сложно», Ходасевич его о личном не расспрашивал.

Поэтому на сей раз отставник позвонил Ивану Бартеневу сам.

«Телефон не отвечает или временно недоступен».

Что ж, бывает. Набрал на следующий день. То же самое. На третий день была суббота, и полковник стал названивать с самого (приличного для звонков) утра. Ткнул в быстрый набор в одиннадцать – все то же. В двенадцать, в час – никаких перемен… «Не отвечает… Недоступен…» Неужели все-таки релоцировался молодой человек? Например, в Дубай, куда звали его, как говорил, неоднократно. Или в иное место?

Скрепя сердце Ходасевич позвонил Елене Бартеневой. Она была матерью Ванечки – некогда выступала заказчицей расследования, которое вел экс-полковник. Расстался он и с ней, и с мужем ее Стасом на самой дружеской, благодарственной с их стороны ноте – только с тех пор не виделись ни разу.

Лишь время от времени Бартенева передавала Валерию Петровичу через Ванечку приветы, а пару раз в год, к праздникам – дню рождения, Пасхе или Рождеству – приятные презентики: шоколадку, полотенчико кухонное, всякую такую ерунду.

Ходасевич отдаривался в том же духе: какими-нибудь конфетами с ликером или свечами сувенирными в виде змеи/кролика. Если б не Иван с его верной готовностью всегда помочь с компом/смартфоном/планшетом/умным ТВ,

наверное, давно забытыми оказались бы и Елена, и Стас, и даже то дело, которое раскручивал некогда отставник в Листвянке.

Елена Ивановна Бартенева звонок полковника встретила одновременно и радостно – и чуть не расплакалась.

– Ой, Валерий Петрович!.. А мы как раз со Стасиком только что о вас говорили. И сами хотели вам звонить! Нам так нужны опять ваши связи! И голова! И светлый ум!.. Ах, тут ведь такое происходит…

– С Ванечкой? – мгновенно переспросил Ходасевич.

– Да-да… А вы знаете?.. Откуда?.. Ах да, вы ему, наверное, звонили… И он вам не ответил… Да, он сейчас недоступен… Вы знаете, Ванечку арестовали.

– За что? Протестовал?

– Да нет же! Хуже! – Женщина прерывисто вздохнула, чуть не всхлипнула. – За убийство!

– Ванечку – за убийство?

– Вот именно – трудно поверить! Но это не телефонный разговор… Вы не могли бы к нам приехать? Мы теперь со Стасом на постоянное место жительства перебрались на дачу, в Листвянку. Квартиру московскую, честно говоря, – она понизила голос до шепота, – сдаем… Ах да! Вы же никуда не выходите, если только по самым неотложным делам…

– Ради Ванечки я готов, – твердо произнес полковник. И в самом деле: ради друзей можно нарушать свои принципы – а Иван, несомненно, успел за все прошедшие годы стать

его другом.

– Вот как?! Приедете? – неприкрыто обрадовалась женщина. – Приезжайте, мы вас ждем! Когда вы будете? Наверное, успели забыть, как к нам добираться? Мы ведь все там же обитаем, в Листвянке! Пожалуйста, помогите нам! Возьмитесь за наше дело! Мы заплатим любые деньги!

– О деньгах даже не начинайте. Для Ванечки я сделаю все, что смогу.

– Ах, Валерий Петрович! Приезжайте! Я пришлю вам геометку!

Где-то за кадром телефонного разговора послышался мужской голос – несомненно, их разговор слушал (и теперь комментировал) муж Елены, Стас Бартенев. Он пробурчал в отдалении что-то вроде: «Да он не знает, что такое геометка!»

– Да-да, присылайте метку! – перебил оскорбительный коммент полковник.

– Когда вас ждать?

– Перезвоню вам, как соберусь.

Вздохнув, Ходасевич потащился в ванную комнату: бриться, принимать душ, наводить утренний лоск. Но не успел он намылить щеки над щегольской бородкой, телефон зазвонил снова. Полковник глянул на определитель – опять Бартенева: воистину, после его обещания приехать она пришла в состояние ажитации.

– Слушаю.

– Валерий Петрович! У нас к вам другое предложение: приезжайте к нам пожить! Как в тот раз! Вы и с делом сможете познакомиться ближе: его следственный комитет нашего райцентра Малково ведет. И со свидетелями поговорите. Это ж все, как говорится, на миру произошло! В присутствии чуть не двух десятков людей! А теперь Ванечку одного винят!.. Приезжайте, миленький, голубчик! Помогите разобраться!.. А ведь как у нас тут в усадьбе хорошо! Мы ведь большой ремонт сделали! И домик гостевой выстроили! И баню! Приезжайте! Раз вы от гонорара отказываетесь, мы вам такси оплатим!

Быстро прикинув за и против, Ходасевич проговорил:

– Я приеду на общественном транспорте. А там посмотрим.

После утренних гигиенических процедур полковник заглянул в телефон, скопировал геометку, присланную ему Бартеневой, проложил маршрут. Присмотрел в расписании скоростную комфортную электричку и отбил гражданке Бартеневой эсэмэску: буду во столько-то. Она немедленно откликнулась: «Ждем!» А потом: «Стас может встретить вас на станции!» – «Дойду сам», – лапидарно отвечал Ходасевич.

«Тревожный чемоданчик» у него стоял собранный – давняя привычка со времен службы. Не раз приходилось немедленно срываться и мчаться сначала в Ясенево, а оттуда, не заходя домой, лететь куда-то на край света после провала (или угрозы провала) в той или иной резидентуре.

Вот и сейчас он добавил туда смену белья, пару летних рубах и пуловер. (В последнее время, когда похудел, пришлось резко менять гардероб.)

Тревожный чемоданчик представлял собой щегольский портфель светло-коричневой кожи, купленный Валерием Петровичем в последнюю командировку в Прагу и с тех пор нимало не потускневший.

Снова проверив расписание электричек, он брызнулся одеколоном, повесил на плечо ремень портфеля и двинулся в путь.

Хотя от его квартиры на Сельскохозяйственной до «Бот-Сада» было ближе, Ходасевич специально решил прогуляться до метро «ВДНХ». Во-первых, с тех пор как он взялся за свое здоровье, предпочитал длительные прогулки. Во-вторых, по пути народу встречного будет явно больше, а ему парадоксальным образом лучше всего думалось в толпе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.